

МИХАИЛ МУНТЯН:

Труд. - 1996. - 2 окт.

«ОПЕРА НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ОДНОПАРТИЙНОЙ»

В советское время народный артист СССР Михаил Мунтян, обладатель звучного драматического тенора и незаурядных организаторских способностей, много пел в опере, занимаясь вместе с тем политикой. Но потом решил, что вещи это малосовместимые, и всецело отдал себя служению искусству. Сегодня его редко можно застать в Кишиневе. Певец больше ездит по городам и весям Европы...

— Михаил Иванович, за четверть века со сцены Национальной оперы Молдавии вами спеты десятки партий, а при этом партия, как шутили во времена оные, у нас была одна.

— Догадываюсь, к чему вы клоните. Я действительно двенадцать лет проработал секретарем партийной организации Кишиневского театра оперы и балета. Каждое собрание начинал с того, что произносил несколько ритуальных, ничего не значащих фраз об исторических решениях очередного пленума ЦК, после чего переходил к проблемам сугубо театральным, а следовательно, малопонятным человеку со стороны. Однажды пожаловал к нам инструктор райкома партии, послушал, о чем мы говорим, и глубокомысленно изрек: «Я ничего не понял». А на следующий день доложил первому секретарю: «Они там Бог знает что говорят». Тот, недолго думая, вставил мою фамилию в свой доклад и долго потом склонялся на всех партийных форумах. Однако меня это, в конечном итоге, мало трогало. Я рад, что хоть так, с изрядной долей казуистики, мог заниматься тогда своими прямыми обязанностями — способствовать повышению исполнительского мастерства актеров и художественного уровня театра в целом.

— Несмотря на столь нелестную оценку вашего вклада в партийное строительство, вы тем не менее были избраны народным депутатом СССР от КПСС, оказавшись единственным тенором в составе так называемой «партийной сотни».

— Сам не знаю, как это произошло. Был в Румынии в одном из монастырей, пил с монахами церковное вино. Никого не трогал. В это время как раз по телевизору транслировали выпуск новостей из Кишинева. Слушаю — и ушам своим не верю. Трудовые коллективы столицы Молдавии выдвигают кандидатом в народные депутаты страны народного артиста СССР Михаила Мунтяна. Долго после этого не мог прийти в себя от неожиданности: привык к тому, что в течение двадцати пяти лет молдавское вокальное искусство в высшем законодательном органе Союза представлял другой человек. Вернувшись в Кишинев в новом для себя кандидатском качестве, я испытал повышенный интерес к своей персоне. «Неужели ты хочешь быть депутатом?» — спрашивали меня удивленные коллеги. «А как же!» — отвечал я им, стараясь казаться серьезным.

— Не пытались ли использовать политический опыт Мунтяна-певца в своих интересах нынешние власти Молдавии?

— Меня не раз просили занять пост министра культуры. Прежде я отказывался, потому что очень хотел петь. Сейчас, по прошествии какого-то времени, я, быть может, и согласился бы, видя, в каком плачевном состоянии находится наша культура, но мне никто этого уже не предлагает. Звали меня и в различные политические партии. Я неизменно отвечал: «Я уже был однажды членом партии (именно членом партии, а не коммунистом) и больше этого не хочу».

— Выходит, сначала вы отошли от политики, а потом и политики, если можно так выразиться, отошли от вас.

— Время было такое, когда не только кухарки, но и тенора «управляли государством». Сегодня же, считаю, каждый получил возможность заниматься своим делом. Что касается второй части

вашего вопроса, то я по-прежнему поддерживаю отношения со многими политическими деятелями различной ориентации, они ходят на мои спектакли, делают мне комплименты, подчас неуклюжие. Один высокопоставленный государственный муж как-то задал мне каверзный вопрос: «Почему ты меня не боишься?» Я ему в лицо ответил: «Потому что не можете оставить меня без работы». И тут же уточнил: «Нет, конечно, вы можете позвонить кому надо, и меня выставят из театра, но лишит меня права петь вы не в силах».

— Говорят, вы знаете столько о некоторых молдавских и прочих политиках, тузах общества, что сочиняете про них анекдоты, которые потом идут в народ. Расскажите ваш любимый.

— Только из непридуманного мной. Анекдот из жизни «крутых»: поймал «крутой» («новый русский» или «новый молдаванин» — национальность значения не имеет) золотую рыбку и спрашивает ее: «Рыбка, какие твои три желания исполнить?»

— Сами-то вы себя считаете «крутым»?

— В каком смысле «крутым»? Богатым или добившимся больших творческих успехов?

— Богатым, конечно. В профессиональных достижениях певца, обездвижившего весь свет, никто не сомневается.

— Скажите, как разбогатеть певцу, если ему во время зарубежных гастролей за исполнение очень сложной партии Радамеса в «Аиде» платят двести долларов? Тамошние певцы за такие деньги на сцене и рта не откроют, а наши, будучи зачастую на несколько порядков выше, выкладываются, как черти. Артисты с постсоветского пространства сами во многом виноваты, что оказались сегодня в такой ситуации. Когда гонка за «зеленым дьяволом» только началась, «сбили» на себя цену и теперь пожинают горькие плоды. А больше никто уже давать не хочет. Я не ропщу на судьбу: считаю, что по сравнению со всеми моими коллегами еще неплохо устроился, а ведь много среди нас таких, кому за выход редко платят больше двадцати долларов.

— Какая опера сегодня ближе вашему душевному настрою?

— «Паяцы» Руджеро Леонкавалло. Эта опера про нас, артистов. О себе скажу: да, я Паяц и этим горжусь. Но главная идея этого музыкального произведения близка мне не только потому, что его герои, как и я, вынуждены скитаться, чтобы заработать себе на жизнь. Канию-Паяца, партию которого я исполняю, всегда как бы один на сцене. Так же одинок сегодня и я, и многие другие люди. Всем нам вместе и каждому из нас по отдельности претит одиночество, и мы пытаемся задать себе вопрос: что сделало нас такими злыми и разобщенными, завистливыми и безучастными к беде ближнего?

— Часто ли, разъезжая по Европе на манер Канию и его комедиантов, вы оказывались, если можно так выразиться, в естественных декорациях оперы «Паяцы»? Имею в виду неприязнательность быта скитающегося артиста.

— В Италии в гостинице одного заштатного городка у меня в номере пол был устлан соломой. Почти по Леонкавалло. Все, как я уже говорил, упирается в отношение к нам организаторов запад-

ных турне, в то, как мы себя поставили. Действительно, сегодня нам труднее, чем всем остальным, хотя молдавская школа оперного пения весьма хороша и превосходит многие европейские. Да и театр наш имеет довольно высокий профессиональный рейтинг среди себе подобных. Примерно в таком же положении оказались еще и румыны, но в отличие от нас они хоть научились выбивать для себя более сносные условия проживания во время гастролей.

— А в Германии туманной, откуда ваш другой герой — Ленский привез учености плоды, — какой вам был оказан прием? Как и подобает немецкой душе — холодный, нордический?

— Как раз наоборот. Отель, как правило, не ниже четырехзвездочного, комфортабельный автобус, который по автобану за час-другой домчит до следующего пункта остановки, плюс к тому очень доброжелательная публика. В течение месяца я выступал на подмостках Германии двадцать раз: пятнадцать раз пел «Паяцев», пять раз исполнял партию Туридду в «Сельской чести» Пьетро Маскани.

В Марбурге, том самом, о котором Пастернак в свое время писал: «Я вышел на площадь. Я мог быть сочтен вторично рожденным», — произошел довольно казусный случай. В отличие от Бориса Леонидовича я вышел не на площадь, а на сцену, установленную в старинном монастыре, и уловил на себе какие-то странные взгляды полноты тысяч пар пытливых глаз. Справившись с легким волнением, спел, мне долго аплодировали. Только потом я узнал, что у марбуржцев вызвало во мне такое недоумение. Оказывается, на моей афише, расклеенной в городе, было написано «Михаил Мунтян: молдавский тенор», а внизу, в скобках, маленькая ремарка — «Экзотика». Зрители, прочитав ее, подумали, что колъ уж я из Молдавии, то обязательно выйду к ним в национальной одежде и буду петь фольклор, подыгрывая себе на каком-нибудь народном инструменте. У них создался именно такой стереотип музыканта-молдаванина, поэтому они были очень удивлены, увидев на мне цивилизованный европейский костюм.

— Слышал, маэстро, что вы часто, узнав перед выступлением примерный состав аудитории, меняете свой репертуар.

— Можно сказать и так. Однажды я был на гастролях в одном российском городе. Меня пригласили выступить перед постояльцами общежития стройкомбината. Я надел бабочку, фрак, пришел в «красный уголок», а там тетушки сидят в тапочках и халатах с маленькими детьми на руках. И хоть был у меня определенный настрой, но ведь «Травиату» и «Трубадура» в такой, прямо скажем, нештатной ситуации петь не будешь. Вот и исполнил я им «Коробейников», «Волгу-матушку» и еще что-то в этом роде. С тех пор стараюсь, чтобы зритель всегда был доволен. Участвуя в концертах, с удовольствием пою и арии, и романсы, и народные песни на молдавском, русском, украинском, итальянском языках, так что для меня не сложно варьировать программу в зависимости от настроения публики.

— На русском языке вы пели всегда и много, даже тогда, когда занятие это не очень поощрялось в Молдавии определен-



ными силами.

— Попытка указать мне на это была предпринята, когда я подготовил сольную программу к пятидесятилетию Чайковского. Позвонили «доброжелатели» и спросили, почему это я пою «их песни». А я им в ответ: «Приходите, послушайте Чайковского, и вы сами поймете, что это великая музыка». Они вняли моему совету, но весьма своеобразно: закупили в зале три четверти мест, а сами не пришли. В это же самое время перед Органным залом было самое настоящее столпотворение — десятки людей буквально металась в поисках лишнего билетика. Позже, когда я привез в Кишинев из Румынии оперу Эдуарда Каваллы «Петру Рареш», я уже сам обратился к этим людям: «Приходите, послушайте. Это наша с вами далекая история». Опять не пришли, но и билеты на сей раз, правда, не скупали с целью сорвать представление.

— Михаил Иванович, вы, безусловно, достигли на сцене того уровня, когда берутся за «Отелло». В ближайшее время, я знаю, Национальная опера Молдавии намерена осуществить ее постановку, пригласив вас на главную роль.

— Да, «Отелло» — действительно вершина всего оперного искусства, а партия ревнивца-генерала — хрустальная мечта каждого тенора. Сам я тщательно разучиваю ее, надеюсь в скором будущем спеть. Одно меня сегодня волнует: кто из молодых будет исполнять партию Яго. Этот образ в опере является главенствующим. На нем, хитром и изворотливом, строится вся интрига этой трагедии. Когда Верди только начинал над ней работать, он так и хотел назвать ее — «Яго», как бы устранив таким образом несправедливость, которую допустил по отношению к этому персонажу Шекспир, отодвинув его на второй план.

— Вы подняли очень актуальную проблему: кто придет следом за вами, коль скоро молодое поколение в наше время влекнет не столько огни рампы, сколько огни казино? И выживет ли вообще в таких условиях оперный театр у нас?

— Я думаю, что слухи о предстоящей в обозримом будущем смерти оперного театра изрядно преувеличены. Высокое искусство уже не раз доказывало свою жизнестойкость. Ведь для того, чтобы жила опера, жил театр, сегодня немного нужно. Достаточно одного: пусть люди, от кого зависит выживание культуры, повернутся к ней лицом. Я настоятельно советую им выбрать день, посетить тихий уголок Кишинева, где установлен бюст румынскому историку Николаю Йорге, возложить цветы к его подножию и прочитать надписи на нем. А на цоколе памятника — простые, доступные каждому и вместе с тем несущие в себе глубокий смысл, почти пророческие слова: «Народ, лишенный знамени культуры, есть толпа».

Беседу вели Ольга ЛЯХОВА, Александр ТХОРОВ. КИШИНЕВ.